

Рецензия

Кузнецов А.В. Шексна – река Велеса: Топонимический путеводитель по реке, которой нет. Вологда: КИО «Музей дипломатического корпуса», 1999. 108 с.

Появление этой книги не может не порадовать как всех тех, кто интересуется историей и языком Вологодчины, так и специалистов более узкого профиля – ученых-топонимистов. Для последних ценность данного издания определяется следующими обстоятельствами: во-первых, это очередная работа, выполненная в редком, к сожалению, в отечественной топонимике жанре – жанре топонимического словаря; во-вторых, словарь составлен по маршрутному принципу (с алфавитным указателем), что позволяет представить топонимическую «среду», в которой функционирует каждое название; в-третьих, описываемый топонимикон отражает, по сути, исчезающую географическую реальность (р. Шексна прекратила свое существование в результате создания в ее долине водохранилищ, став частью Волго-Балта), что превращает его в своеобразный топонимический памятник; в-четвертых, на страницах книги предпринимается попытка комплексной реконструкции семантики топонимии Шексны с опорой не только на лингвистические выкладки, но и на сведения исторического, этнографического характера, на физико-географические данные. Это последнее обстоятельство особенно подкупает: А.В. Кузнецов обладает завидным универсализмом, отправляясь, в зависимости от потребностей исследования, то в исторический архив – в поисках диахронически изменяющихся письменных фиксаций топонимов, то на место, где находился интересующий его природный объект, то в пароходство, где имеются речные лоции, и т.п. Это умение разносторонне воссоздать «вертикальный» и «горизонтальный» контекст, в котором функционировало географическое название, придает убедительность многим авторским реконструкциям, ср. статьи *Кузнец*, *Щепицы* (с. 46), *Пята* (с. 77), *Шатрец* (с. 57), *Маурино* (с. 70), *Корабль* (с. 85) и др. Особый тон в палитру авторских способов работы с материалом вносят изящные рисунки и схем-карты, собственноручно выполненные А.В. Кузнецовым. Легкая и увлекательная манера изложения, за которой кроется хороший исследовательский вкус автора, несомненно, привлечет к книге внимание многих читателей.

Отдавая дань огромному труду, проделанному автором, и приветствуя появление этой нужной и своевременной книги (работа по составлению топонимических словарей в настоящее время ведется значительно менее интенсивно, чем 2–3 десятилетия назад), позволим себе высказать ряд критических замечаний по поводу отдельных положений книги.

Не останавливаясь на частностях¹, затронем магистральную для данной работы проблему – проблему достоверности реконструкции «велесовых» топонимов, т.е. географических названий, которые, по мнению автора, отражают культ языческого божества славян – Велеса. Этот вопрос касается не только конкретных интерпретаций, но и выводит на методологию анализа языковых мифологем. Данная область лингвистических исследований – при всей ее чрезвычайной привлекательности и «интересности» – таит множество подводных камней, поскольку мифологический мотив обычно весьма удален от внутренней формы топонима, вследствие чего слишком обширным и аморфным по структуре становится интерпретационное поле, объясняющее связь языковых единиц и мифологических представлений. Ориентация в этом поле невозможна без четкой методики, позволяющей обнаружить все разнообразие маркеров мифологического в языке – в данном случае, в системе географических названий.

Как выстраивается концепция мифологичности (конкретнее – связи с культом Велеса) ряда топонимов в басс. р. Шексны, на какие маркеры мифологического опирается автор?

На страницах книги нет развернутого обоснования логики мифологических реконструкций, они рассеяны по нескольким словарным статьям и базируются на следующих аргументах.

1. «Прямые» доказательства связи топонимов с культом Велеса: внутренняя форма географического названия выводит на имя бога.

Такая связь усматривается автором, в частности, в гидрониме *Волхонка*, который, «возможно... сохранил в себе прямое свидетельство о месте казни волхвов. Наконец, надо отметить, что и созвучие имен *Велес* и *волхв* (или *волох*) также не случайно» (с. 30–31). Таким образом, название р. *Волхонка* связывается автором со словом *волхв*. Эту версию нельзя считать достаточно аргументированной: во-первых, при такой реконструкции следует ожидать прилагательного **волховый* < *волхв*, которое в то же время не фиксируется в лексикографических источниках (встречаются прилагательные *вълховный*, *вълховный*, *вълшьвиши* [СРЯ XI–XVIII вв. 3, 14], поэтому скорее возможна форма *Волховка*, а не *Волхонка*). Во-вторых, для названий, омонимичных и близких шекс-

¹ В то же время частности, детали принципиально важны в том жанре, в котором работает автор, – жанре словаря. К примеру, иногда автор небрежно обращается с фонетическими деталями – в результате то, что в одних случаях выглядит как досадный казус, в других оборачивается неверным этимологическим решением. Ср., к примеру, анализ причин вариантности инициальных звуков в паре *Олоховское* // *Волохово*: «выпадение начального звука *в* характерно для этого периода в истории русского языка: тогда говорили *осьмь* вместо *восемь*» (с. 36). Однако хорошо известно, что в паре *осьмь* // *восемь* второй элемент является более поздним, поскольку *в* носит протетический характер.

нинскому топониму, встречающихся в топонимии Москвы (р. *Волхонка*, по которой названа известная московская улица) и в Верхнем правобережном Поочье (р. *Волкона*), предлагаются иные этимологические решения: В.Н. Топоров сопоставляет эти гидронимы с балтийскими названиями типа *Volka, Volkana* и т.п.¹ Если даже допустить маловероятную производность *Волхонка* ← *волхв*, это не вносит вклад в решение «велесовой» проблемы, поскольку этимологическая связь слов *Велес* и *волхв* не признается лингвистами [СД 1, 210; Фасмер 1, 346; РО, 224].

Версия относительно происхождения гидронима *Волхонка* приводится А.В. Кузнецовым в статье, заглавным словом которой является название руч. *Васильевский*. Последний назван так по церкви Василия Великого, около которой он протекал. Опираясь на народную легенду о замене церковью Василия Великого языческого мольбища, ранее располагавшегося на этом месте, автор постулирует связь мольбища с богом Велесом. Данный постулат базируется, во-первых, на допущении о том, что языческий идол из этого святилища был изображением бога Велеса, во-вторых, на положении о «явном созвучии Велеса с Василием» (с. 30). Если атрибуция идола – проблема внелингвистическая, то относительно связи Велеса с Василием можно высказать «филологическое сомнение». Дело в том, что существование «эстафетных» пар *языческий бог* → *христианский святой* признается исследователями мифологии, однако в качестве преемника Велеса выступает не Василий, а Власий, который является в народной традиции покровителем скота: как раз имя *Власий* дает аттракцию к *влас/волос* [СД: статьи *Боги славянские*, 210–221; *Василий*, 291–292; *Власий*, 383–384; см. также Фасмер 1, 343].

Еще один «прямой» аргумент, говорящий, по мнению автора, в пользу связи шекснинской топонимии с культом Велеса, – происхождение названия *Волохово*, которое отмечается в басс. р. Шексна дважды. Это название вновь соотносится с *волхв* при постулировании связи волхов с Велесом. Для подтверждения этой версии автор приводит также отмеченное в словаре В.И. Даля слово *волоха* ‘кожа, шкура’, «происхождение которого связано с древними обрядами, во время использования которых жрецы облачались в шкуры животных» (с. 86). Такой этимологический нюанс для слова *волоха* выглядит весьма вольным допущением [см.: Фасмер 1, 345] – равно как и произвольно утверждение о производности *Волохово* ← *волхв*: одно топонимическое *Волохово* имеет вариант *Ольхово*, который, возможно, проливает связь на происхождение рассматриваемого топонима. Форма *волоха* в значении ‘ольха’ фиксиру-

¹ Топоров В.Н. «Baltica» Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 272; см. также: Агеева Р.А. Гидронимия Москвы // Географические названия в Москве. М., 1985. С. 69. (Вопросы географии; Вып. 126).

ется в вологодских говорах; кроме того, на Русском Севере распространено слово *волошняк* 'заросли ольхи' (ЛК ТЭ). Тогда в дублете *Волохово/Ольхово* последнее название следует считать переводом первого на литературный язык: такие отношения встречаются в парах, составленных официальными и неофициальными топонимами.

Это позволяет считать ошибочным следующее построение автора: «первоначальное название Волохово, напомилавшее о культе бога Велеса, распространенном некогда по всему течению Шексны, со временем было заменено на «нейтральное» Ольхово, тем более что ольха в изобилии росла по берегам рек в Пошехонье» (с. 86). Думается, что мотивационные отношения, квалифицируемые автором как вторичные, являются первичными. Кстати, второе шекснинское *Волохово* имеет вариант *Олоховское* (с. 36), что тоже работает против «мифологической» версии – возможно, в пользу «флористической» (в письменном источнике могла быть ошибка: *Олоховское* вместо *Ольховское*). Однако «флористическая» мотивировка не является единственной для топонима *Волохово*, который может иметь антропонимическое происхождение, соотносясь с достаточно частотной фамилией *Волохов* – возможно, от устаревшего *волох* 'название романских народов (в том числе цыган)'. Наконец, следует повторить: если даже допустить производность *Волохово* ← *волхв*, мы не получим убедительных доказательств отражения в географических названиях культа Велеса.

И, наконец, в качестве прямого аргумента «велесовости» шекснинской топонимии приводится топоним *Борки Власовы*: «Связь с Велесом (Волосом) прослеживается в том, что в ряде источников, к которым относятся, например, материалы Генерального межевания конца XVIII в., определение у топонима зафиксировано в форме Власовы». Представляется, что аргументация нуждается в перестановке акцентов: форма *Власовы*, зафиксированная только в письменных источниках, явно ошибочна, а вот форма *Власовы* как раз могла бы пригодиться автору для обоснования его основной идеи, поскольку, как говорилось выше, имена *Волос* и *Власий* связаны отношениями «эстафеты». Однако нет оснований в любом географическом названии, образованном от антропонима *Влас*, видеть отражение каких-либо сакральных мотивов – не менее (если не более) вероятно предположение о посессивном характере таких наименований.

Подводя итоги анализа «прямых» аргументов, нацеленных на обоснование связи топонимов басс. р. Шексна с именем бога Велеса, отметим, что веских доказательств автору книги привести не удалось.

2. Косвенные доказательства: топоним выводит на мифологические представления, которые могут быть связаны с различными языческими культурами – в частности, с культом Велеса.

Рассмотрим несколько аргументов такого рода.

Автор рецензируемой книги обращает внимание на ряд фаунистических названий в топонимии Шексны: мысы *Медведь*, *Ворона*, *Олень*, *Рога*, пороги *Сыч*, *Баран*, *Филин*, *Заяц*, *Петушок*, *Мышьи Тропки*, староречье *Собачьи Пролазы*. Признавая метафоричность таких названий, А.В. Кузнецов стремится увидеть за метафорами «более глубокий смысл – ведь Шексна в древности была *рекой Велеса*, имевшего власть именно над животными» (с. 63). Более конкретная характеристика этого глубинного смысла дается в статьях на названия порогов *Сыч* и *Филин*: «названия всех так называемых «Влесовых» порогов... главную свою роль – предупреждения о грядущей опасности – в старину выполняли без труда» (с. 65); «русские язычники в древности, прежде чем преодолеть такое препятствие на их пути, молились и приносили жертву богу Велесу» (с. 63). Помимо этой «пропедевтической» функции, фаунистические названия порогов и мысов Шексны отражали, по мнению автора, царивший некогда культ священных животных – например, медведя (с. 87).

При этом автор уверен, что шекснинская зоотопонимия в известном смысле уникальна: «справедливости ради надо сказать, что и на других реках России встречаются подобные названия, но такого мощного скопления, как на Шексне, нет больше нигде» (с. 63).

Позволим себе высказать сомнения в правоте авторских выкладок.

Во-первых, исключительным данное скопление «животных» топонимов считать нельзя. Ср., к примеру, ряд подобных названий мысов, скал и порогов в топонимии Пинеги: *Бараньи Рожка*, *Бурая Коза*, *Бык*, *Горносталь*, *Кобылки*, *Козел*, *Конь*, *Лось*, *Медведь*, *Медведица*, *Собачье Горло*¹. Весьма представительные ряды «птичьих» названий фиксируются в топонимии дельты Северной Двины², Кижских шхер³ и др. Богата фаунистическими названиями топонимия архангельских рек Ваеньга, Юла, Мезень и др.⁴ Сказанное относится к топонимии Русского Севера,

¹ Выборка произведена по Словарию образных онома Русского Севера (топонимы), представленному в работе: Рут М.Э. Образная ономастика в русском языке: ономасиологический аспект. Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1994. С. 463–541.

² Кабинина Н.В. Названия птиц в русской топонимии дельты Северной Двины // Проблемы русской региональной филологии: Тез. докл. и сообщ. Вологда, 1995. С. 117–119.

³ Агапитов В.А. Об орнитотопонимах островов архипелага Кижские шхеры (отражение родовых и фратриальных связей в топонимии Заонежья) // Заонежье. Петрозаводск, 1992. С. 48–60.

⁴ Рут М.Э. Образная ономастика в русском языке: ономасиологический аспект.

однако скопления безаффиксных фаунистических названий встречаются и в топонимиконах других территорий¹.

Во-вторых, для названий такого плана можно найти вполне убедительные и достаточные образные расшифровки. Такие решения предлагает сам автор, объясняя название порога *Петушок* «петушиным» характером объекта (с. 71), а название порога *Заяц* – тем, что «судовой ход на нем, по всей видимости, метался из стороны в сторону между нагромождениями камней, как заяц, когда тот запутывает следы» (с. 65) и т.п. Однако при этом автор сам себе противоречит: дав образную интерпретацию триады *Заяц – Филин – Сыч*, он двумя строчками ниже отмечает, что эти «Влесовы» названия порогов «не имели ясных природных обоснований своего смысла» (с. 65). Это утверждение выглядит самогипнозом: автор видит образный характер фаунистических топонимов, но уж очень хочется сделать их «Влесовыми» (пусть с невнятной мотивацией). Вообще, животные метафоры самым органичным образом вписываются в систему метафорических топонимов русского языка, формируя одну из наиболее частотных сфер отождествления². Поэтому трудно согласиться с автором, для которого бытовые метафоры являются «полноценными», а зоосемизмы свидетельствуют о какой-то неметафорической подоплеке: (о названии *Оленьи Рога*) «... важно то, что излучины сравниваются именно с рогами оленя, а не с характерными предметами быта, ведь на Шексне... сложился целый топонимический ряд названий, связанных по происхождению с различными животными, над которыми стоял языческий русский бог Велес» (с. 88).

Фаунистические метафоры не только обладают высокой активностью, ненамного в количественном отношении уступая бытовым, но и характеризуются более пластичной номинативной базой, поскольку могут прилагаться не только к статичным объектам (в этом случае метафора является «анатомической»), но и к динамичным («поведенческая» метафора). Естественно, что микротопонимия реки, обильной динамичными объектами – порогами, перекатами и водоворотами, нуждается в поведенческих фаунистических метафорах. Следовательно, обилие такого рода названий в топонимии Шексны имеет достаточно убедительное «внемифологическое» обоснование.

Вышесказанное отнюдь не значит, что безаффиксная «животная» топонимия не может вывести исследователя на мифологические представления носителя языка. Однако в каждом конкретном случае «мифологическая» интерпретация нуждается в более подробном и аккуратном

¹ См., например: *Стрижак О.С.* Гідронімія Полтавщини фіто-зоографічного семантичного ряду // Українська діалектологія і ономастика. Київ, 1964. І. С. 147–176.

² *Рут М.Э.* Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992. С. 83.

обосновании, нежели простое декларирование связи животных с богом Велесом. К примеру, фаунистическая топонимия в басс. р. Мезень, как показывают материалы ТЭ, коррелирует с коллективными прозвищами жителей той же территории, образованными от наименований животных, что можно истолковать в пользу отражения в ономастике этого региона древнейших племенных тотемов; в некоторых случаях в сознании современных носителей топонимической системы названия получают образные мотивировки. Или: образные мотивировки топонимов типа *Кобыла* или *Конь* «демонстрируют устанавливаемую ассоциативную связь между объектом и впечатлением от могучего крупя, корпуса животного, метонимически разворачивающегося в образ коня. Ср. вместе с тем свидетельство о языческом обычае приносить в жертву коней именно на таких ландшафтно выделенных местах (обрывах, больших валунах и т.п.)»¹. Сложность взаимоотношений между языком и мифом обусловлена тем, что эти знаковые системы характеризуются принципиально различной функциональной нагрузкой и способами кодирования информации. Поэтому выстраивание фактов, имеющих мифологические и немифологические мотивировки, в эстафетный ряд требует выяснения обоих типов мотивировок и логики перекодировки – а это, как было указано выше, не сделано автором.

В книге имеются и другие примеры «натянутых» интерпретаций отдельных топонимов в сторону отражения ими языческих древностей. Так, название горы *Онява* автор считает мерянским, переводя его на русский язык как 'Главная мать' или 'Богиня'. При этом предполагается, что на вершине горы «много веков назад существовало святилище мерян, посвященное женскому божеству» (с. 69–70). Кроме того, автор указывает, что *Онява* – «очень оригинальный топоним, ничего подобного на территории Вологодской области больше не встречается!» (с. 69). Позволим себе не согласиться: по данным ТЭ, топонимические *Онявы* и *Онявки* фиксируются, помимо Кирилловского, в Белозерском, Кадуйском и Череповецком районах Вологодской области. Причины появления подобных названий представляются нам более прозаическими, чем автору книги. Близкое данным название болота *Онячее* на территории Холмогорского района Архангельской области имеет вариант *Вонячее*, ср. характерный мотивационный контекст – «душное болото» [ТК ТЭ], недвусмысленно указывающий на производность от *вонять*. В диалектной лексике Русского Севера фиксируются параллельные названия травянистых растений: *онявка* 'съедобная трава, похожая на ботву моркови; ее корни ранней весной ребята выкапывают и едят как лакомство' [СРНГ 23, 228] и *вонявка* 'зонтичное луговое травянистое растение':

¹ *Пут М.Э.* Образная номинация в русском языке. С. 111.

«Вонявка вроде дедюльки, ребячьим дело охапки нарвем – едим» [АОС 5, 81]. Не вдаваясь в изучение причин вариантности *онява* // *вонява*, укажем, что для рассматриваемого топонима связь с *вонять* выглядит весьма достоверной и органично вписывающейся в реестр моделей топонимической номинации (возможно, склоны горы заросли одноименным пахучим растением или же название метонимически перенесено со смежного обозначения болота, покоса и т.д.).

Излагая на страницах книги весьма рискованные гипотезы, автор затем ссылается на них как на доказанные истины. Так, на с. 51 приводится название порога *Голубец*, которое трактуется в связи с зафиксированным у В.И. Даля апеллятивом *голубец* ‘могильный памятник в виде домика из сруба и крыши’. Отсюда делается предположение о существовании на берегу реки языческого кладбища с голубцами или же одинокой могилы. Параллельно данной «мифологической» мотивировке приводится образная: профиль дна реки мог напоминать двускатную крышу (с. 52). Однако затем выясняется, что мифологическая гипотеза стала для автора аксиомой: на с. 53 он ссылается на топоним *Голубец* как на реальное свидетельство «велесовости» шекснинской топонимии. Заметим, что мы более склонны доверять образной мотивировке: слово *голубец* (*голбец*, *гобец* и др.) в вологодских говорах имеет значения ‘подполье, подвал’, ‘настил из досок в виде полатей’, ‘деревянная пристройка к русской печи в виде большого шкафа с дверцей’, ‘лежанка сбоку русской печи’ и др. [ЛК ТЭ; СВГ 1, 117]. В топонимии Никольского района Вологодской области отмечено название *омута Гобец* с мотивировкой «глубокое место, как гобец [ТК ТЭ]; в плане типологии ср. также зафиксированные на территории Русского Севера названия оврага *Погребок*, *омута Погреб* [ТК ТЭ]. Эти названия отражают уподобление глубокого места на реке подполью в доме; однако возможен и другой разворот образа на базе лексемы *голубец*, ср. отмеченное в Кирилловском районе Вологодской области название поляны *Полати* – «над болотом возвышается поляна, Полати прозвали» [ТК ТЭ].

Подмена лингвистической гипотезы аксиомой иногда вызывает последствия внелингвистического характера: виртуальные памятники материальной культуры превращаются в «реальные». Так, интерпретируя первый компонент уже упоминавшегося ойконима *Борки Власовы*, автор указывает, что термин *борок* означал, помимо ‘соснового леса’, еще и ‘старое кладбище’. «Вещественные» подтверждения существования кладбища отсутствуют, однако автор начинает трактовать свою гипотезу как объективную данность: «наличие пары топонимов Волохово – Борки Власовы представляет большой интерес потому, что на месте первого поселения некогда жили и владели землями языческие жрецы

(не факт! – ср. выше о семантике топонима *Волохово*. – *Е.Б.*), а у второй деревни существовало дохристианское кладбище» (с. 86).

Повторим еще раз: любая гипотеза имеет право на существование, однако автор рецензируемой книги обращается с гипотезами слишком вольно, воздвигая на базе одного недоказанного предположения другое, становящееся гипотетическим в квадрате, на базе другого – третье и т.п. Ср. выстраивание подобной аналитической пирамиды при реконструкции происхождения топонима *Череповец*: сначала автор допускает, что языческое население той местности, где впоследствии появился город, справляло свои обряды на вершине высокого холма, который м о г н о с и т ь (разрядка наша. – *Е.Б.*) название *Череп* (с. 75). Затем автор соединяет эту версию со своей магистральной гипотезой о «велесовости» шекснинской топонимии – и это позволяет ему утверждать, что «географическое положение Череповца как раз посредине Шексны способствовало возникновению здесь в древности главного святилища Велеса» (с. 76). Никаких подтверждений этой версии нет – кроме того, что в Череповце имеется православный Воскресенский монастырь (именно на его месте автор «строит» языческий храм Велеса). Ну и следующим шагом становится такая выкладка: «название монастыря – Воскресенский – является как бы православной (христианской) реакцией на языческую сущность Велесова Черепа, ведь воскресение Иисуса Христа – это его возвращение к жизни после смерти и погребения, а бог Велес у язычников «ведаль», среди прочего, и потусторонним миром» (с. 76)¹. Таким образом, гипотеза о том, как могла называться гора (почему же это название не сохранилось? из-за табу? но почему тогда не табуировано слово Череповец?), приводит к построению столь грандиозного здания, что фундамент оказывается для него слишком хрупким.

Если применить по отношению к реконструкциям А.В. Кузнецова принятый в этимологии способ маркировки восстанавливаемых форм с помощью астериска, то некоторые авторские версии следует помечать тремя астерисками – в то время как сам автор, забывая об этом, нередко склонен воспринимать свои идеи не в ирреальной, а в реальной модальности.

Не ставя перед собой цель проанализировать каждый конкретный аргумент в пользу связи топонимии р. Шексны с образом бога Велеса, суммируем вышеизложенные соображения. Анализ «косвенных» дока-

¹ Вообще, Велес оказывается у автора универсальным «донором» для всех последующих христианских переосмыслений: функции этого языческого божества эстафетно связываются с идеей Воскресения Иисуса Христа; преемниками Велеса выступают также Николай Чудотворец (с. 66), Василий Великий (с. 30) и др. Правомерно ли такое «перетягивание одеяла» со всего языческого пантеона на Велеса?

зательств – так же, как и анализ «прямых», – не позволяет увидеть стоящей за отдельными интерпретациями методики реконструкции «топонимических мифов». В выбранной автором зоне исследования приходится соотносить языковые факты, семантические связи между которыми следует охарактеризовать как крайне слабые, находящиеся в области «потенциальной» семантики. Отсутствие методики при работе в этой зоне пагубно сказывается на результатах: думается, что автору не удалось представить доказательств «велесовости» топонимии Шексны. Эти «мифологические натяжки» выглядят лишним довеском к корпусу словарных статей, среди которых, как уже говорилось, имеется немало добротных и интересных реконструкций. Пока получается так: «словарь с концепцией» проигрывает «просто словарю». Словарь ценен сам по себе – зачем ему прокрустово ложе выпрямляющей концепции?

Е.Л. Березович